

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ОКТАВА

Юбиляру от юбиляра

В Перми на протяжении двух вечеров выступал Государственный академический симфонический оркестр им. Евгения Светланова под управлением Владимира Юрковского

Юлия Баталина

Для Пермской филармонии это была сказочная удача: концерты ГАСО им. Светланова проходили в рамках Всероссийских филармонических сезонов Министерства культуры РФ, но так совпало, что даты выступлений пришлись на дни вскоре после того, как 3 февраля филармония отметила своё 80-летие. Получился красивый и торжественный юбилей. К тому же оркестр в 2016 году тоже отмечает 80-летие, правда, уже в следующем сезоне — в октябре, но всё равно получилось символично.

Программы обоих концертов были не только торжественными, сколько философскими. Художественный руководитель оркестра, дирижёр Владимир Юрковский — мастер составлять концертные программы с подтекстом, со скрытыми смыслами, и он снова доказал это. Полтора года назад Юрковский с оркестром потрясли пермяков оригинальным музыкальным рассказом о Первой мировой войне, где и Рахманинов, и Дебюсси звучали в совершенно особенном контексте и поэтому воспринимались по-новому. Нынче оба концерта представляли собой сюжеты сродни литературным, музыканты как будто рассказывали истории, которые хотелось не только слушать, но и обсуждать, пересказывать.

В первый вечер, 17 января, звучали произведения Чайковского и Стравинского, которые, по мнению Юрковского, образуют стилистическую «рифму»: Вторая оркестровая сюита Чайковского и музыка к балету Стравинского «Поцелуй феи» не просто перекликаются — по мнению Юрковского, без первого не было бы второго.

Владимир Юрковский, дирижёр, художественный руководитель ГАСО им. Евгения Светланова:

— Сочетание «Стравинский и Чайковский» говорит само за себя, тем более что у Стравинского мы играем «Поцелуй феи» — балет, навеянный музыкой Чайковского, в котором используются темы Чайковского. Вторая оркестровая сюита Чайковского — очень редко исполняемое сочинение, которое относится к экспериментальному творчеству композитора. Она оказалась немножко на периферии внимания оркестров, её редко играют, но именно в ней заметно стремление Чайковского в XX век, и я считаю, что «Петрушки» Стравинского, да и «Поцелую феи», без этого сочинения просто не было бы. Кстати говоря, сам Стравинский и Вторую симфонию Чайковского, тоже довольно экспериментальную, и Вторую оркестровую сюиту очень любил и часто в своих концертах исполнял как дирижёр.

Во время исполнения оркестровой сюиты зал недоумевал: почему это сочинение редко исполняемое? Все части сюиты — «Игра звуков», «Вальс», «Юмористическое скерцо», «Сны ребёнка» и «Дикая пляска» (подражание Дар-

гомыжскому) — лёгкие, характерные, с сильной мелодической основой и отчётливым танцевальным потенциалом. И сюиту, и музыку к балету оркестр исполнял очень внятно, с отчёлывыми, но не выпирающими акцентами, ясно прорисовывая общий сюжет. Даже не самым подготовленным слушателям были очевидны мелодические и смысловые переклички между произведениями, поскольку Юрковский с коллегами подали их буквально «на блюдечке» — явно, но ненавязчиво.

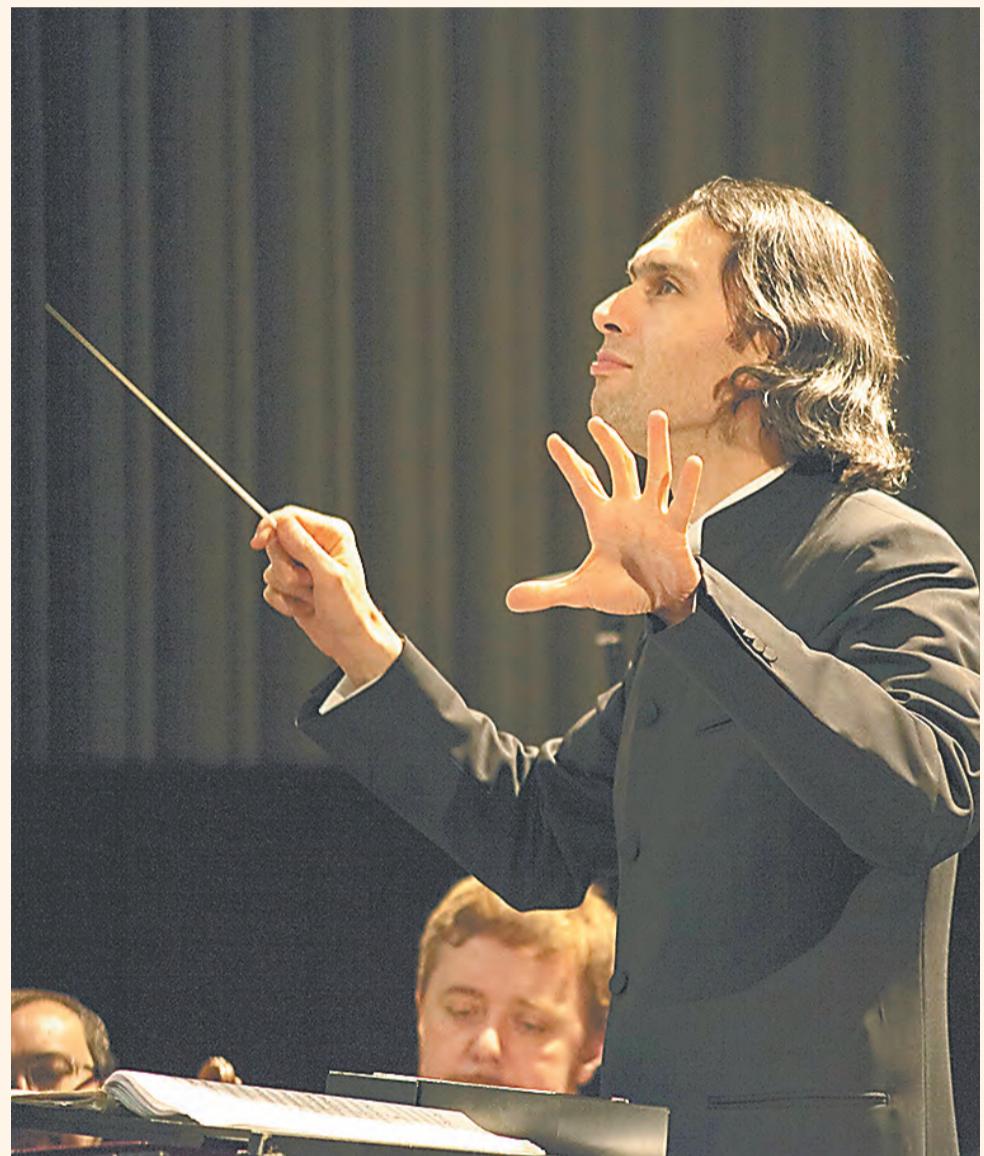
Акустика в Большом зале филармонии, как известно, не идеальна, и оркестр звучал суховато: у звуков будто «замяли» верхи и низы, оставили серединку. Владимир Юрковский, впрочем, считает, что для произведений первого вечера «сухой» звук не страшен, а вот для Рахманинова, которого играли на следующий день, 18 января, нужен звук более объёмный и глубокий. Поэтому дирижёр решил поработать с пространством зала: под его руководством раздвинули акустическую ракушку на сцене; кроме того, были сделаны кое-какие перестановки в оркестре, и во время исполнения «Острова мёртвых» и Первой симфонии Рахманинова звук был существенно богаче, чем накануне.

Впрочем, и здесь не всё было идеально: фортепиано и арфа, вынесенные на авансцену из-за того, что сцена недостаточно просторна, по громкости выбивались из оркестрового фона, а тенор Всеволод Грибнов, исполнявший романсы Рахманинова, напротив, терялся и звучал глуховато, и очень жаль, поскольку цикл романсов был центральной частью программы и лично для Юрковского особенно важен.

Владимир Юрковский:

— Цикл романсов Рахманинова — в инструментовке моего деда, тоже Владимира Михайловича Юрковского, которую он сделал для Ивана Семёновича Козловского ещё в 1960-е годы. С тех пор, кроме Козловского, этого никто и не пел, а после его смерти вообще забыли. Всеволод Грибнов — первый тенор, который выучил этот цикл именно в такой последовательности и пойёт его с оркестром. Так что это своего рода премьера.

Но, несмотря на недостатки акустики, романсы сыграли свою роль в сюжете концерта — они говорили о красоте мира, о полноте ощущения жизни, тогда

как обрамляли их произведения с мощным трагическим звучанием. В рамках одной концертной программы удалось показать эмоциональные полюсы творчества Рахманинова.

Владимир Юрковский:

— «Остров мёртвых» для меня, пожалуй, самое интересное оркестровое сочинение Рахманинова, я даже предпочитаю его всем его симфониям, кроме первой. Первая симфония и «Остров мёртвых» — два пика раннего Рахманинова. За ними идут «Колокола», но это уже 1913–1914 годы, а «Остров» — это 1909 год, то есть произведение ещё очень молодого композитора.

Это трагическая фреска, навеянная картиной Арнольда Бёклина, но она не является в прямом смысле слова переложением сюжета картины на музыку. Основная тема — движение лодки, несомой океанскими волнами, — и общий мистический скорбный характер — это, безусловно, от Бёклина, всё остальное, думаю, от Чайковского и от Данте: для меня эта симфоническая поэма перекликается с «Франческой да Римини» Чайковского на сюжет из «Божественной комедии» Данте. Средний раздел поэмы — лирический эпизод, который начинается как любовная история и заканчивается

ется трагедией, крушением — это очень напоминает рассказ Франчески. Сам Рахманинов в те годы как раз сочинил свою «Франческу да Римини» — оперу на либретто Модеста Чайковского.

По мастерству оркестрового письма и по смелости гармонического языка «Остров мёртвых» на тот период в русской музыке не знает себе равных. Он вполне сопоставим с самыми смелыми изысканиями западных композиторов — Рихарда Штрауса, Дебюсси, а в русской музыке того времени, пожалуй, лишь Скрябин в своих поздних сочинениях доходил до такой степени усложнения гармонического языка.

Симфонические произведения Рахманинова в трактовке Владимира Юрковского звучат эмоционально, но сдержанно, интеллигентно, как будто воспитание не позволяет музыкантам демонстрировать сильные переживания, но переживания эти всё равно заметны, особенно внимательным слушателям.

Юровский вообще-то не любитель «бисов». Но, раз уж речь шла о юбилейном концерте, дирижёр и оркестр сделали слушателям филармонии подарок — на «бис» исполнили вступление ко второму акту «Нюрнбергских мейстерзингеров» Рихарда Вагнера.